

В 1957 году я, студентка филфака ЛГУ, была призвана к Николаю Павловичу Акимову знакомой сотрудницей Эрмитажа Эрой Коротковой из уже смутно памятного круга моего общения с Глебом Николаевичем Павловым из Академии Художеств и «ахматовскими сиротами», «волшебным хором» – Анатолием Найманом, Евгением Рейном, Дмитрием Бобышевым и Осей Бродским.

Будучи перед этим в Праге, Николай Павлович познакомился с творчеством Э.Ф. Буриана (1904 –59) – режиссёра, композитора, драматурга, основавшего в 1934 году театр «D-34» (Divadlo – театр 34 года) и ставившего острополитические спектакли, решённые к тому же новыми сценическими средствами (как говорили нацисты, – «дегенеративными»), за что поплатился заключением в концлагерь.

Приехавшие в Ленинград на гастроли со спектаклем «На ярмарке» буриановцы нуждались в переводе во время домашнего приёма у Николая Павловича. Чехи тогда не знали русского, а чешские студенты только-только начинали учиться на факультете.

Я смело ринулась в дела взрослых людей. В вопросе Буриана, знает ли Николай Павлович о пути театра (в смысле творческом) я перевела путь как «дорогу», и Николай Павлович, подумав, вспомнил название улицы Voditchkova (Водичкова), что сразу привело комедиантов в весёлое настроение и сняло напряжение ответственности. Тогда международные встречи в ещё только

² Название спектакля 1959 года по пьесе А. Тверского.

создаваемом соцлагере были напряжёнными. При встрече Николай Павлович хотел поцеловать жене Буриана руку, а она её отдернула, испугавшись буржуазных манер.

С переводом в общем я справилась.

Самым интересным и важным моментом в искусстве режиссуры Николай Павлович считал внимательное изучение поведения зрительного зала, после того, как спектакль уже поставлен, и самой увлекательной работой над спектаклем для него были те поправки и доделки, которые совершались на основе этого анализа.

И Николай Павлович создал такой, как бы «студенческий актив» на просмотре генеральной репетиции перед премьерой. Нашу реакцию тоже считал по-своему очень важной. Я приводила с собой студентов филологов и учившихся тогда вместе с нами в одном помещении на набережной Невы журналистов, среди которых был Александр Шарымов, ставший впоследствии ответственным секретарём журнала «Аврора». Мы об «авроровцах» уже писали.

Николай Павлович знал многих из интеллигенции страны. После спектакля я иногда провожала его по Невскому до угла улицы Гоголя, где он жил. На Невском помню встречи с М. Зощенко, К. Паустовским, Л. Вивьеном, А. Мыльниковым, Софьей Юнович.

На углу Невского и улицы Бродского в газетном киоске и в «Европейской гостинице» продавали периодику иностранных компартий. Мы с Николаем Павловичем покупали очень содержательную «Les Lettres Françaises». Помню югославский журнал с иллюстрациями знаменитых югославских примитивистов.

Николай Павлович со времён гимназии знал французский язык, но иногда брал меня в помощь, как во время гастролей «Comédie-Française» с Жаном Виларом, для которого театр Акимова был самым интересным в Союзе.

Если я встречала в иностранной прессе рецензию на спектакль или впечатления от знакомства с Николаем Павловичем, я это приносила в театр с переводом для информации на стенде в коридоре у кабинета завлита Шуваловой. Как-то я сопровождала в театр и домой к Николаю Павловичу делегацию чешских художников во главе с самым известным тогда Josef Песа. По возвращении домой они мне прислали популярную среди пражской интеллигенции университетскую газету «Universita Karlova» со своими впечатлениями. Вход к Николаю Павловичу был со стороны Кирпичного переулка по чёрной лестнице. Они это поняли как ленинградскую художественную мансарду на манер парижской богемы.

Семья Николая Павловича – жена Елена Владимировна Юнгер, дочь Анюта и сестра Наталья Павловна – преподаватель французского языка во Втором институте иностранных языков (в особняке Лобанова-Ростовского), где зам. директора была моя мама (что сближало меня с семьёй) – жила под расположенной в верхнем этаже квартирой актрисы И.П. Зарубиной, часть которой занимала мастерская самого Николая Павловича. Мастерская эта была известна как «пещера волшебника»! От времён печного отопления сохранилась некая конструкция, побелённая по извёстке, расписанная Николаем Павловичем на тему странствий Одиссея. Я любила сидеть на низкой чёрной скамеечке-собаке «Золушка» (или «Обыкновенного чуда»). Здесь Николай Павлович писал портреты. В 1958 году он написал и мой портрет. Объект помещался в единственном более менее обычном удобном кресле и усиленно осваивался в заставленной художественно интересными предметами в «пещере». Бронзовый гонг, плетёные циновки, напольные часы, картины, гравюры, скульптура малых форм, сокровища из комиссионного магазина в соседнем доме Вовельберта. Узнаются в декорациях к кинофильму «Золушка», например.

В «пещере» помню Иосифа Абгаровича Орбели, бородатого, с гривой седых волос и пронзительным огненным взглядом. Никиту Алексеевича Толстого, только что побывавшего на всемирной выставке в Брюсселе. Со времени появления фотографии художники пользовались снимками при написании портретов. Их у Николай Павловича множество.

Когда в 1964 году я попала в больницу на срочную операцию, Николай Павлович с гастролей в Латвии написал мне письмо:

«Дорогая Ларисса! Что это Вы так разболелись? Немедленно поправляйтесь. Желая этого Вам самым решительным образом!»

Я буду здесь до 3 авг. И м.б. задержусь после конца гастролей (в зависимости от решения с поездкой в Югославию в сентябре). Так что Паланга может обойтись и без меня.

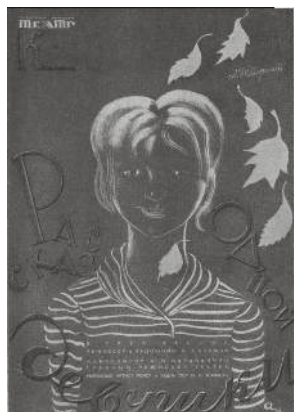
Мы здесь очень хорошо играем. Масса очень интеллигентных восторженных рецензий.

Погода хорошая. Группа купается. Суханов получил народного. (Хотя накануне попал под трамвай, но относительно удачно.)

Поправляйтесь, дорогая моя, скорее.

Целую Ваш Акимов.

22/VII 64»

Н. Акимов. Плакаты к спектаклям

В 2011 году к 110-летию со дня рождения в Доме актёра открылась выставка «Объекты Акимова», отразившая его дарование выявлять и заострить существенное в человеке. Кроме известных советских и зарубежных деятелей искусства Николай Павлович фотографировал выразительные сцены обычной жизни. Иногда было бы неэтично вмешиваться в отношения людей, но Николаю Павловичу были нужны мимика и жестикауляция для работы с актёрами. И он придумал боковое приспособление к объективу фотоаппарата. С его помощью он, например, снимал темпераментную ссору супружеской пары во время поездки в Испанию. Объектив был наведён в окно, а плёнка фиксировала поднятые плечи, гневные круглые глаза, кричащий рот. Всё это пригодилось в «Повести о молодых супругах» и афише к ней.

Идеи Николая Павловича были даже архитектурно-инженерными. Он разработал проект театра с вращающейся сценой и соответствующими световыми и звуковыми установками. Был создан макет, но до реализации не дошло. Куда там! Николай Павлович сам говорил: «Если бы я каждый день не боролся, в моём театре был бы второй этаж Елисеевского гастронома». А не конструктивно новое помещение для театра в городе. Впрочем, Николай Павлович не падал духом и преодолевал препятствия по-своему. Собирает, например, министр культуры Е. Фурцева театральных деятелей, чтобы наставить их на устоявшиеся театральные пути, а не врас-

сыпную. «Пусть кто-то стоит на позициях Станиславского, кто-то Мейерхольда, кто-то Вахтангова...» Тут она задумывается и Николай Павлович вставляет: «На своих!». А председателя реперткома в ответ на его предложение продёрнуть в комедии пьянство спрашивает: «Так мне что, министра финансов дёргать?».

Смех помогал разрушать гнетущую атмосферу. В Таврическом дворце, где секретарь по идеологии Л.Ф. Ильичёв собрал творческую интеллигенцию для проработки, на сцену, как Чацкий с корабля на бал, вышел Г.А. Товстоногов и сказал: «Я только что вернулся из Лондона». Зал засмеялся. Улыбнулись президиум и сам Ильичёв. Действительно, на Георгии Александровиче был свежий костюмчик и модный тёмно-красный джемпер под пиджаком.

Георгий Александрович был человек пафосный, и Николай Павлович любил над ним подшутить. Во время организованных выездов за границу группы сопровождалась присматривающими. В Италии при выходе из очередного собора Николай Павлович заметил сидящего на ступеньках своего попечителя, которому соборы осточертели. Проходя мимо него с Товстоноговым, Николай Павлович громко спросил: «Георгий Александрович, Вы уже купили “Альковные тайны Кремля”?»

А вот во время поездки в Северную Корею, ещё не переодевшуюся в униформу, Николая Павловича умилили женщины в традиционных чёрных с белым длинных платьях с высокой талией и белых блузках с длинными лентами бантов. Когда члены делегации отдыхали на скамейках в саду, к ним подошли маленькие дети и стали читать стихи. Из Кореи Николай Павлович привёз двойную пластинку традиционной народной песни, сорок раз варьирующий основной мотив. На обложке конверта корона чёрного дерева с красными плодами хурмы.

В то время приезжавшие из зарубежных поездок видные деятели нашей культуры выступали с рассказами о своих поездках и демонстрацией диапозитивов даже в больших залах Домов культуры. Нечего говорить, сколько народу собирал Николай Павлович! И у него потом виденное обогащало спектакли.

«Если то, что преподносится со сцены правдиво, умно, эмоционально и отвечает человеческим чувствам, то это достаточно для того, чтобы вызвать соответствующие чувства и симпатии зрителя».

При этом Николай Павлович владел и таким важнейшим приёмом режиссуры, как мизансцена, расположением актёра на

сцене в тот или иной момент спектакля с едва заметной фиксацией. И ленинградский балет того времени отличался выразительной фиксацией жеста в отличие от некоторой «смазанности» движения других трупп. То же было в кино эпохи: построение кадра, значительность мимики и жеста. Вспомните «Чайки умирают в гавани»!

И оформление спектаклей у Николая Павловича – ракурсы, перспектива, локальный цвет, остро характерная деталь – всё рассчитано на броскую подачу и ошеломляющее впечатление.

Да и какие театры у нас гастролировали! Шекспировский мемориальный, греческий классический (почти поющие актёры на котурнах), японские НО и КАБУКИ, Пекинская опера...

Николай Павлович был доступен начинающим творцам. Ему можно было принести пьесу или эскизы к оформлению, прийти на прослушивание. И он не обижал, не унижал, не высмеивал, а доброжелательно помогал самому тебе прозреть и уйти окрылённым и вдохновлённым.

Николай Павлович профессорствовал в Театральном институте. Олег Целков вспоминал, что они, студенты оформительского отделения, выстраивались на ступеньках встречать его. Евгений Михнов-Войтенко говорил мне, как он обязан Николаю Павловичу. Помнится, мать М. Шемякина работала у Николая Павловича и мне кажется, что от Акимова у Михаила его гротеск.

Николай Павлович многое повидал на своём веку, был близко знаком и сотрудничал с выдающимися деятелями культуры, был признан и гоним. Врождённая доброжелательность, знание жизни и остроумие помогали ему в общении и с партийным руководством. Он с достоинством защищал свою позицию, был патриотом, созидателем, при несогласии с установками находил достойный выход из положения.